40

отш.

О СУДЬБЕ СТИХОВ И ПЕСЕН САЛАВАТА ЮЛАЕВА И ОБ ИХ ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК.

Салават Юлаев –
"Стихи и песни"-
Уфа, Башгосиздат, 1952
Перевод Владимира Филова.

"Кровавое зарево догоравших аулов приветствовало рождение Салавата". Еще дым сожженых царскими карательными отрядами башкирских аулов не рассеялся. Еще слышался звон цепей и кандалов, которыми царские палачи заковывали свободолюбивых башкир. Еще слышались стоны казненного народа, у которого был отрезан язык и были разодраны уши, чтобы он не мог говорить ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ о борьбе против угнетателей-крепостников и чтобы он не мог слышать призывы и песен батырей, зовущих к борьбе за свободу. Колонизация башкирских земель усилилась. Народ ~~разорился~~ был разорен грабежами.

Все это видел мальчик Салават. Он рос на ~~почве, насыщенной~~ земле, пропитанной ~~горем~~ кровью и слезами народа. С болью в сердце Салават слышал грустные песни матери. И отец рассказывал о бедствиях народа. Всему прислушивался умный и сильный Салават. Сердце впечатлительного мальчика впитало большое горе своего народа. Богатая, страстная и поэтическая натура уже юноши Салавата рвалась к великому делу. Он быстро рос и физически и умственно. Его окружала прекрасная природа Урала. Недалеко от деревни Юлай текла родная река Юрюзань по долинам Каратава. Остроумный Салават обо всем пел песни и сочинял стихи. Рано пришла батыру зрелость.

Салават был грамотным человеком своего времени. Был знаком с великими поэтами мусульманского Востока. Его русский биограф Филипп Нефедов в своей статье "Салават, башкирский батырь" /"Русское богатство", октябрь, 1880/ пишет, что он "ученый и поэт" и "поэтическое чувство ... рано сказалось в Салавате-природа, родина, рассказы о героях, - все с необыкновенною силою действовали на его впечатлительную натуру, поднимая в душе множество различных чувств, образов и картин".

В стране вспыхнула крестьянская война, вождем которой был Емельян Пугачев, ~~И угнетенный башкирский народ под руководством Салавата Юлаева поднялся на борьбу за свободу вместе с великим русским народом впервые в истории нашей страны.~~ Именно Салават мог стоять во главе восставшего башкирского народа. Личная храбрость, исключительная сила и пламенные слова певца-импровизатора вдохновляли воинов бороться. Стихи и песни Пугачевского бригадира превратились в оружие борьбы против угнетателей. Это оружие ковалось огнем справедливой войны, ~~жгучей~~ ненавистью к угнетателям простого народа и великой любовью Салавата к своей Родине и угнетенному народу.

В стихах и песнях Салавата выражалась душа башкирского народа, его сила и стремление к счастливой жизни, они укрепляли веру в будущее. Поэтому-то башкирский народ не мог забыть его имя, его пламенные стихи и песни, хотя говорить о Салавате, петь о нем песни запрещалось царским правительством. Имя Салавата было ненавистным для правительства Екатерины II, для мурз и тарханов, заводчиков и купцов, баев и мулл, для царских чиновников.

Рукописи Салавата были сожжены, они не могли дойти до наших дней.

Но стремление к будущему и слова борца за народное счастье не умирают. И народные певцы, сэсэне, в условиях всякого преследования сохраняли в памяти стихи и песни Салавата. Они передавались из уст в уста народа, от поколения к поколению. Эта обязанность была святой обязанностью.

И сам Салават превратился в центральную фигуру башкирского ~~фольклора~~ устного народного творчества.

Стихи и песни Салавата Юлаева первого поэта Башкирии имеют громадное значение. Но оригиналы его произведений до нас не дошли. ~~и они в условиях феодально-крепостнического режима не могли дойти в печатанном виде на родном языке. Только Великая Октябрьская Социалистическая революция дала жизнь и письменность башкирскому народу.~~

Некоторые стихи и песни Салавата сохранились в подстрочном переводе благодаря лишь труду русских ученых-писателей 19 века.

Впервые стихи и песни Салавата в подстрочном переводе Давлетшина, сделанный им в 1868 году, был записан Руфом Гавриловичем Игнатьевым. Они опубликовались в книге Игнатьева "Башкир Салават Юлаев, пугачевский бригадир, певец и импровизатор". /Казань, 1894 г./ и Филипп Нефедов в своей статье "Салават, башкирский батырь" /журн. "Русское богатство", окт. 1880 г./ приводит некоторые стихи и песни Салавата, записанных им самим из уст народных сказчителей. В книге Игнатьева приводится 7 стихов Салавата. Содержания их у Игнатьева и у Нефедова схожи, хотя давлетшинский перевод приобретает некоторую религиозную окраску.

Используя эти первоисточники и варианты стихов Салавата, живущих в народе, надо было воссоздать их. Трудная задача стояла и перед башкирскими, и перед русскими переводчиками.

Впервые стихи и песни Салавата ~~вышли~~ печатались на родном языке в книге А.Усманова "Салават батыр", в 1945 году /Уфа/". А отдельной книгой они впервые вышли в этом /1952/ году в русском ~~художественном~~ переводе Вл.Филова ко дню двухсотлетия со дня рождения Салавата под редакцией кандидата исторических наук Ш.И.Типеева.

Трудность перевода заключалась в том, что не было оригинала. Но, несмотря на это, переводчик должен был точно передать не только содержание произведений, но и национальный колорит в них, свойственный Салавату, творчество которого питалось лучшими образцами богатого башкирского фольклора.

Как справился переводчик Вл.Филов с этими задачами?

Есть удачные переводы, передающие настоящую душу Салаватовской поэзии. Но есть ~~также~~ переводы, которые идут не от Салавата, а от самого Филова, где много слов и мало поэзии.

Совсем непростительным является перевод стихотворения Салавата "Урал", где он воспевает свой родной Урал, образ которого воплощает родину. В нем изображается величавая картина богатой природы Урала. Это стихотворение Салавата напоминает самую лучшую старинную мелодию башкирского народа об Урале. В нем большая любовь к родной земле:

/I/ О! Урал мой благодатный,
Про тебя пою
Песню ту мою -
И твое величье славлю.
На тебя глядя,
Созна ю величье Бога,
Божии дела;

Твои чудные вершины
Близки к небесам,
Близки к небесам.
Когда месяц ночью встанет
На землю глядя,-
Твои вершины чудно светят
Чистым серебром;

Когда солнце утром встанет
Не землю глядя, -
Твои вершины золотятся
И огнем горят.
Вокруг тебя, Урал высокий,
Горы и леса.
Тоже, как ковер богатый,
стелется трава;
И пестреет весь цветами
чудный тот ковер,
Чудный тот ковер ...
Ах, Урал мой благодатный,
Про тебя моя
Песня долго не споется,
Слов не находя.
Как тебя, Урал мой, славить,
Как тебя воспеть;
Видно песня эта будет
Песней без конца ...

/из Игнатьева/

А Филову почему-то понадобилось делать стихотворение сухим, холодным и выдать свои крикливые строки за строки Салавата. Нет здесь и колорита. Нет и Салаватовской теплой задумчивости, мечтательной влюбленности в природу, глубокого лиризма Салавата и простора, и широты. Величавая картина Урала Филовским стучащим ритмом уничтожается:

"Славен мой Урал
Высотою скал.
Гребни горных круч
Блекнут из-за туч, и т.д. ...

И как же "Гребни горных круч блекнут из-за туч"? Не серьезность. Это пародия на Салавата. У него нет такого "стихотворения"

Так же много добавлено от себя в переводе стихотворения Салавата "Зулейха". В подстрочном переводе у Игнатьева простыми словами в большом чувстве признается Салават:

/П/ "Зулейха, земная ты гурия,
Когда б ты знала, как мое сердце
к тебе любовью горит;
В твоих глазах я вижу небо,
В твоих глазах я вижу звезды
и тихую красавицу - луну,
То океан глубокий, неизмеримый,
Земная гурия, иль отраженье рая,
Зулейха, как тебя люблю.
Люблю, но как сказать не знаю
Затем, что слов не нахожу;
Язык мой слаб, и мысли слабы,
чтобы сказать тебе хвалу,
Хвалу достойную тебя,
земная гурия, Зулейха!".

Но Филов начинает такой строкой, которая не существует у Салавата:

"Кто сердце мне зажег
сияньем красоты?
Не ты ли, Зулейха? Сознайся, это ты!
Я много девушек видал тебя прекрасней,
но о тебе одной и песни и мечты!".

И нет у Салавата такой образа, как у Филова:

"Как ручеёк с морской сливается волной,
Так полюбил тебя, сливаюсь я с тобой".

Нельзя так же приписывать ему такие строки, прочитанные Филовым из книг восточной поэзии:

"Батыр и певец, в словах любви бессилен,
и чем сильней люблю, тем становлюсь немей!".

Нельзя же Зулейху засыпав многими любовными словами, забыть самого Салавата. Сам он прекрасно может выражать свою горячую любовь. Надо было эту любовь переводить Филову. Хороша, конечно, передача Филовым темперамента Салавата, его кипучей натуры, жара его чувств. Но у Салавата любовь не многословна.

Выдуман так же перевод стихотворения "Соловей":

/Ш./ "Над простором седых ковылей,
Полночь лунная тихо плывет".

"Не о том ли, что солнце -батыр
Весь в кольчуге своей золотой,
В блеске страсти обходит весь мир
За красавицей робкой луной?"

Это неплохой образ Филова, подаренный Салавату. Но Салават в нем не нуждается. Салават нам ценен своей поэтической простотой, правдивостью, ясностью и силой. Он и не поет, что

"Сердце бьется, как будто в плену,
Мне сдержать мои чувства невмочь".

Он не говорит о чувстве, это само собой чувствуется из его стихов. В этом то и поэзия. Салават - художник, ему надо показать, а не доказать. Где надо доказывать и призывать народ к борьбе, он мыслит образами. Только для того, чтобы рифмовать "Лунную ночь" Филову понадобились две строки со словом на конце "невмочь".

У Салавата стихотворение кончается словами:

"Днем поет и в ночь;
значит больше всех аллаха
славит соловей".

А переводчик заменяет:

"Он весну большевик полюбил".

В этом большой беды нет, конечно. Но от незначительного бога Салавата не стоило бояться, он был сыном своего времени, хотя он живет в сердце народа и сейчас.

Этим, конечно, от переводчика не требуется буквальная, педантичная точность, это была бы даже вредной для творческого дела, как художественный перевод. Осуждая мелкий буквализм перевода, ясно говорил еще Жуковский, что "рабская верность может стать рабскою изменою". "Подстрочный перевод никогда не может быть верен", утверждал и Пушкин. Но в любом переводе должны оставаться дыхание времени и индивидуальность поэта. Вне времени нет художественного произведения. Мы не требуем от Филова буквализма, но и нельзя забывать текст и отрываться от него.

Наиболее удачным переводом в этом отношении является стихотворение "Стрела", которое в подстрочнике Нефедова звучит так:

/IУ./ " Я пустил стрелу высоко
И убил пташку ./ У Игнатьева - "ласточка"/
Бедная! она упала
к ногам моего коня.
Мне стало так жаль ее!
Для чего я, бедная моя, убил тебя!
Лучше, если бы эта стрела
попала в неверного,
злого врага моей родины".

Здесь выражается воинственный гуманизм Салавата. Большая любовь к природе, к живому даже самому маленькому существу вдруг заменяется с гневом против врага родины. Вырывается, как стрела, этот гнев. Интересно стихотворение своим построением. Такой параллелизм и образная антитеза очень свойственны башкирскому фольклору. Всегда мы встречаемся в стихах и песнях Салавата такими элементами и образами народной поэзии. Эту сторону здесь переводчик учел и для наиболее яркого выражения содержания нашел своеобразную форму. Это помогает раскрытию образа. Перевод один из лучших "Стрела" попадает в цель.

Можно считать, что неплохо вышел перевод стихотворения "Джигиту". Подстрочник его только у Игнатьева, в котором приписаны Давлетшиным чуждые мысли Салавату. В этом ярко видно следы фальсификации, потому-то в народном варианте нет националистических и панисламистических идей. Строки с этими идеями чужды Салавату, которые в Салаватовском стихе стоят как ржавое железо на золоте.

Филов брал то, что принадлежит Салавату. Но последнюю строку опять добавляет от себя, вытягивая мысль, как тесто, когда она у Салавата ясно и четко помещается в двух строках, где боевой призыв воину:

/У/ Высоко летает ворон,
Высоче летает сокол.
И сокола высоко летает
Орел ловкий, птичий царь.
Как этот орел, будь, джигит, батыром,
Когда скользнешь, опирайся на друзей,
В бою, как ревущий лев,
не щадя себя, бросайся на врага!

/из народного варианта, похожего на подстрочник у Игнатьева/.

У Игнатьева есть еще два стихотворения Салавата : "Сеча" и "Тоска по родине". А все остальные стихи и песни, вошедшие в настоящий сборник Салавата, не имеются ни у Игнатьева, ни у Нефедова.

Во вступительной статье Ш.И.Тишеев в этом сборнике указывается, что Р.Игнатьев опубликовал русский подстрочный перевод, сделанный Давлетшиным, в 1875 году в "Записках Оренбургского отдела Русского географического общества" и "публикация совпала со столетием великой крестьянской войны". Но в "Записках нет никаких стихов и песен, они только в книге Игнатьева "Башкир Салават Юлаев, пугачевский бригадир, певец и импровизатор" /всего семь стихотворений/. "Записки", на которые ссылаются и некоторые другие, пишущие о Салавате, всего имеют 4 выпуска /1870, 1871-Казань; 1875-1881 -Оренбург/ и есть там только одна песня о Салавате, записанная Игнатьевым. Этот факт несколько удивляет. Значит, других источников, кроме вариантов в народе нет.

Для перевода стихотворения "Сеча" Филов у Игнатьева взял только конец и от себя своему переводу добавил в начале две строки, в конце одну строку. А из начала подстрочника у Игнатьева взял несколько строк и написал совсем новое стихотворение "Слава богатырей". Такого стихотворения еще не было на башкирском языке. Это выдуманное стихотворение Филова, а не Салавата.

Мы отказываемся от таких подделанных стихотворений, написанных руками спекулирующего именем национального героя башкирского народа. В стихотворении нет ничего, кроме неконкретных, нехудожественных строк с восклицательными знаками. Не были у Салавата таких стихов и песен, которые не являются сильным оружием в борьбе за свободу. У него были такие стихи и песни, которые "воспламеняли мужество воинов" ... В своих преданиях башкирский народ сам говорил о Салавате, что "когда он пел песни, люди с охотою шли в бой, не чувствовали боли от ран, не боялись голода, холода, ни даже смерти от пули, сабли и ~~копья~~, ... даже безоружные кидались в бой и отнимали оружие у вооруженных". С такой силой владели стихи и песни Салавата.

Нельзя же заниматься фальсификацией произведений Салавата, когда есть на башкирском языке стихи и песни, записанные у народа, которые печатались к юбилею в газете "Советская башкирия".

Другие стихотворения Салавата "Тоска по родине" полно глубокой любовью к родным краям.

Теплый лиризм Салавата заключает в себе верность и преданность родине. Сердце заключенного поэта-борца горит чувством любви и тоски по святой родине его:

Родные рощи и леса,
Родные воды и поля,
Святая родина моя,
Урал, Урал мой благодатный,
Люблю Вас я, любить Вас буду.
Про Вас и песню я пою,
Вы зеленые леса,
Вы родные рощи и поля.
Поднебесный мой Урал,
Твои снеговые вершины
люблю, хотел бы век смотреть,
хотел бы вечно песню петь
Про твои красы.

Когда судьба меня заносит
Далеко от родины святой, -
О Вас тоскую я, мечтаю,
Родные рощи и леса;
Родные воды и поля,
Родные пажити, кочевья,
И благодатный мой Урал.
И ветер я заслышу,
Шумит с родимой стороны,
Мне мнится, ветер мне приносит
Весть с родимой стороны,
Весть с любимой стороны.

/из Игнатьева/

Передать содержание этого стихотворения Филов смог, но форма, выбранная им, мешает наиболее полной передачи задумчивой грусти Салавата. Здесь не требуется быстрый ритм движения. В этом стихотворении он не со своим мечом в руках, и не на коне. Он только со своими думами о родине. Салават не говорит как у Филова, что:

" Я своей любовью чист,
Как грозой умытый лист,
Как по утру птичий свист,
Благодатный мой Урал". Он выражает только такую любовь.

Хорошими переводами являются "Песня о русском батыре", "Кто батыр", "Мы добудем мир и правду", из речи Салавата, записанной у сэснов народа, сильные так же стихи "Призыв" и "Клятва", но откуда они взяты - неизвестно.

Остальные маленькие песни, вошедшие в этот сборник, существуют в народе в разных вариантах и невозможно судить о точности их перевода.

Вообще переводы их хорошо передают содержание.

И в указанных удачных переводах есть, конечно, филовские строки. Например, в "песне о русском батыре" такие строки:

"Итогда своей землею
Будет править сам башкир,
И на вольные кибитки,
Словно песнь, прольется мир!";

в стихотворении "Мы добудем мир и правду" - первая строка и - последняя, где:

"Страшный питок не забудем,
Подымай народ, мечи!
Мир и правду мы добудем!
Эй, джигит, на бой скачи!"

Надо сказать, что и название стихотворения, данное переводчиком, слишком большое и натянутое для времени Салавата. "Нельзя улучшить историю".

Вообще, в целом сборник достоин внимания читателей. Есть хорошие переводы. Но много стихотворений и песен переведены не серьезно, искажая подлинную поэзию Салавата Юлаева. К переводу творчества первого поэта Башкирии Салавата в некоторых местах отсутствует исторический подход и достойное внимание к замечательному поэтическому наследию. Большая ответственность стояла перед Ш.И.Типеевым, под редакцией которого вышел первый раз сборник наследия первого поэта Башкирии. Но не вполне достаточно исполнял он свою задачу.

Несколько удивительно, что сборник не вышел на родном языке, когда это значительно легче. Чем объяснить этот факт, не знаем.

Стихи и песни Салавата ждут своего нового переводчика, настоящего поэта, который должен хорошо знать Салавата, его время и историю крестьянской войны в 1773-75 г.г., башкирского

устного народного творчества и башкирский язык, на котором пел и писал бессмертный Салават.

Москва, 2-16/IX-52

Рами Гаринов
студент литературного
института им. Горького

1) Правильно сгруппировать и систематизировать суждения.
2) По больше примеров плохого перевода и их анализ.
3) Ссылки на источники.
4) Выделить главные и второстепенные недостатки и достоинства.

Перемкул Кадыров,
узбекский аспирант.